

Ю. И. Смирнов (Москва)

СТРАННАЯ БЫЛИНА ТРОФИМА РЯБИНИНА

Прежде чем привлекать какой-либо текст (вариант произведения) в намеченных исследовательских целях, следует уяснить положение этого текста среди ему подобных или в чем-то с ним схожих. Важно выяснить, кто знает текст именно в этом виде — один человек, одна семья, одна деревня, куст деревень и т. д. Значимость текста определяется масштабом его истинного знания и распространения в народе. Если его знал один человек или только отец и сын, то в нем надо искать прежде всего личное начало, личное истолкование или личную обработку усвоенных традиционных элементов. Пока личное начало в тексте не выявлено более или менее определенным образом, не существует настоящей познавательной потребности в пользовании этим текстом и тем паче нет необходимости преувеличивать значимость текста и его составляющих, придавать ему или отдельным его элементам характер всеобщего знания на уровне целой местности, обширной области или даже всей страны, что, между прочим, сплошь и рядом допускали наши предшественники.

В части выявления личного начала податливее записи, сделанные от крупных исполнителей, мастеров сказительского искусства, при том, однако, условии, что в том же месте и (или) по соседству сделано немало записей и от других людей. Чем больше имеется контрольных текстов, тем легче вычленяется личный вклад мастера. И, наоборот, чем меньше записей, сопоставимых с интересующим нас текстом, тем труднее раскрыть качества этого текста. Сложность заключается еще и в том, что старые собиратели, как правило, механически записывали тексты и не умели разговаривать с исполнителями, обычно не расспрашивали их по поводу каких-либо понятий, выражений, образов, поворотов повествования.

Именно такой случай из числа трудных избран здесь для рассмотрения. Это странный текст, дважды записанный от Т. Рябинина. Как его называл сам сказитель, мы уже никогда не узнаем. П. Н. Рыбников, сделавший первую запись в 1860 г., дал название «О князе Скопине и Никите Романовиче»¹. А. Ф. Гильфердинг, повторивший запись в 1871 г., вынес

© Ю. И. Смирнов, 2000

¹Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. Петрозаводск, 1989. № 21. (Далее — Рыбн.).

заглавием одну фамилию: «Скопин»². В серии под названием «Михаил Скопин-Шуйский», среди разных произведений, посвященных этому герою, В. Ф. Миллер воспроизвел обе записи от Т. Рябинина³. В своей антологии былин В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов поместили вторую запись от Рябинина без указания, что это вторая запись, дали последней в «героическом» томе и с названием, заимствованным у Гильфердинга⁴. Составители корпуса исторических песен XVII в. следовали примеру В. Ф. Миллера и также переиздали обе записи от Рябинина в серии «Скопин-Шуйский», предпочтя имя героя, а не сюжеты разных произведений о нем⁵.

Текст оставался в поле зрения ряда публикаторов, но при этом его довольно дружно избегали хоть как-то истолковать. Лишь в двух случаях публикаторы были явно вынуждены сопроводить текст кратким комментарием.

В первом из них В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов написали не более десятка фраз, каждая из которых, мягко говоря, весьма неточна по отношению к тексту. Так, Скопина никак нельзя назвать «отличившимся при защите Москвы от интервентов». И в тексте Рябинина его роль иная. Вопреки их утверждению о том, что «изображение событий в песне не соответствует исторической действительности», в тексте Рябинина можно заметить отзвуки нескольких подлинных фактов из деяний исторического героя: поездка Скопина в Новгород, собиравание им там войска не без участия новгородцев и поход к Москве. И совсем неприемлемо их требование, что «песню о Скопине в данной версии (!) следует рассматривать как произведение переходного типа» из-за того, что в нем «сочетаются жанровые признаки и былины, и исторической песни». Комментаторы удержались и прямо не сказали, к какому времени они относят «переходность» версии Рябинина, позволив читающим их суждение о «переходности» понимать как заблагораассудится. Тем не менее все же надо надеяться, что комментаторы под «переходностью» не подразумевали сложение этой версии еще в XVII в., по горячим следам событий. Нельзя также забывать, что, в отличие от фольклористов, обаянных жанровым делением, певцы не различали былин, ранних исторических песен и некоторых других эпических форм и в своей практике допускали соединения из произведений разной жанровой принадлежности отнюдь не во имя «переходности». Фольклористы, подготовившие третье издание «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», определенно читали комментарий Проппа и Путилова и испытали

²Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. II. М.; Л., 1950. № 88. (Далее — Гильф.).

³Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пг., 1915. № 197, 198.

⁴Былины: В 2 т. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. Т. I. М., 1958. С. 493—495, 551.

⁵Исторические песни XVII в. / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов и др. М.; Л., 1966. № 61, 62. (Далее — ИП XVII).

их влияние. Самой достоверной в их пояснении текста Рябинина можно считать фразу о том, что этот текст — «контаминация мотивов из песни о Скопине и былины о наезде литовцев (поляков)»⁶.

Действительно, в тексте соединены отрывки из произведений, соотносимых с подлинными или вымышленными событиями разного времени.

Контаминации произведений бывали тоже разными. Были контаминации традиционные, давно обкатанные и логически вполне увязанные, видимо, не одним поколением сказителей. К их числу в репертуаре самого Рябинина относятся былины «О Добрыне Микитинце» (Рыбн. I. № 8), переплетение былин «Добрыня и Василий Казимирович» и «Добрыня и Алеша», и «О Дунае Ивановиче» (Рыбн. I. № 9), последовательное соединение былин «Дунай-сват (Женитьба князя Владимира)» и «Дунай и Настасья-королевична (Женитьба Дуная)». Обе эти контаминации имеют подтверждение своей традиционности в виде записей и за пределами родных мест сказителя. Следовательно, они не сложены самим Рябининым. Они были усвоены им уже в готовом виде.

Помимо традиционных, собиратели нередко записывали и другие соединения эпических песен, порой совершенно неожиданные и причудливые, с перенесением главной роли от традиционного персонажа к нетрадиционному. К ним, несомненно, относится «Самсон-богатырь» (Рыбн. I. № 1), первое произведение, исполненное Рябининым Рыбникову. В нем сказитель связал вместе три произведения, из которых лишь одно, начальное в связке, может быть признано традиционно былинным. Рябинин сумел достаточно удачно подобрать нужные для контаминации части, логично их увязать, проведя Самсона главным героем через все повествование. Сказитель, наверно, считал удачным этот опыт связки разных произведений, иначе он не решился бы предложить такой текст на запись первым из тех, какие он знал, и, более того, мог сложить.

Уже этот сказительский опыт контаминации побуждает относиться к Рябину, как к мастеру, способному слагать собственные произведения на основе накопленного и даже накапливаемого фольклорного запаса. Рябинин, как представляется, любил ставить подобные опыты, не единожды ставил их, но далеко не всегда предлагал на запись свои опыты сложения. Утвердившись в каком-то своем тексте, он затем уже не старался его расширять или перекраивать, он превращался в истово каноничного исполнителя.

Так произошло и с другой его контаминацией, где Михайло Скопин оказался крестным братом Никиты Романовича. Она тоже принадлежит к числу сказительских опытов Рябинина. Это несомненно хотя бы потому,

⁶Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. С.509. Впрочем, ни в одном из вариантов былины «Наезд литовцев» поляки не упоминаются.

что такую контаминацию более нигде не записывали. Даже сын сказителя не удержал в памяти такую контаминацию и ограничивался исполнением первой ее части⁷.

Отсутствие подтверждений в виде контрольных записей, сделанных где-либо, — первый признак нетрадиционности контаминации. К тому же ее части, в отличие от былины «Самсон-богатырь», слабо увязаны и насыщены алогичностями.

В самом деле, вот в первой записи: Скопин набрал силу в Новгороде, привел к Москве и оставил под городом (ст. 18), вместо того чтобы биться; Скопин один едет по Москве (ст. 19), вроде бы занятой врагом, а враг этого не замечает; Микита Романович, сидючи в Москве, не мог догадаться действовать до тех пор, пока у него не появился Скопин; Микита Романович один, как былинный герой, намерен палицей побивать Литву (ст. 60) и побивает «за Москвой» (ст. 61), а не в городе, где Литва стоит. Этим обрывается первое исполнение на запись.

Во второй записи спустя одиннадцать лет Рябинин остался твердым в своей контаминации. Он не попытался снять алогичности. Лишь кое-где смягчил их. Так, Скопин со своей силой не может подыхать к Москве от того, что Литва заняла дома в Москве (ст. 16—19). В конце текста сказитель вовсе исключил какой-либо намек на сражение по-былинному: увидевшись, что кони погублены, а оружие испорчено, Литва сама «в побег пошла» (ст. 64).

Существенно, что во втором исполнении на запись Рябинин вдруг, опираясь на знание песни «Иван Грозный и сын» (Рыбн. 1. № 20), сообщил, что в Москве, занятой Литвой, грозный царь Иван Васильевич «живет невесело» с царицей Настасьей Романовной (ст. 23—27) и притом «Ен про них дела да и не ведаёт (!)»

Сказитель, видимо, сам почувствовал неуместность упоминания о грозном царе. Сказав об отрешенности царя от происходящего в Москве и от героев песни, Рябинин таким образом проявил здесь и свою беспомощность в качестве импровизатора. Он не знал, что делать с царем. Не смог развить эту линию повествования и в дальнейшем предпочел совсем не упоминать о царе.

Вчитываясь в оба варианта, можно заметить, что первая часть песни «провисает»: зачем же Скопин собирал войско в далеком Новгороде, если исход разрешился благодаря всего лишь одному московскому герою, которого надо было только чуть-чуть подтолкнуть к действию? Первая часть песни оказывается ненужной для ее второй части. Достаточно было ограничиться появлением Скопина в палатах Никиты Романовича, появлением, послужившим Рябинину «мостиком» между обеими частями. Вот это

⁷Ляцкий Е. А. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. № 4. С. 147—148. Переиздание: ИП XVII. № 63.

провисание первой части свидетельствует о том, что связка частей не традиционна. Решающее значение второй части прямо показывает, что перед нами былина, пусть и необычная.

Попробуем представить себе, что Рябинин прибегнул к такому приему, как перенесение роли от одного героя к другому, избранному в качестве главного. К этому приему он успешно прибегнул в былине «Самсон-богатырь», им в его время пользовались, например, сказители В. Щеголенок из ближней Боярщины и П. Калинин с недалекой Пудожской Горы. Если бы Рябинин провел Скопина главным героем и второй части, заставил бы его оборачиваться горностаем и волком, портить оружие и коней врагов, а затем (с участием приведенной силы) побивать Литву, получилось бы вполне логичное и последовательное повествование, вполне цельное произведение. С тем же результатом Рябинин мог бы сделать Микиту Романовича исполнителем роли Скопина в первой части. Та или иная переделка была бы благосклонно воспринята собирателями, не говоря уже о несведущих читателях. Ее легко возвели бы в разряд классических произведений со всеми соответствующими почестями и последствиями.

Рябинин мог бы прибегнуть и к другому традиционному приему, удачно им примененному в былине «Илья Муромец и Калин-царь», когда последовательно, один за другим вводятся в сражение Ермак, Илья и, наконец, вся богатырская дружина. Для контаминации Рябинину достаточно было бы в нескольких стихах описать, скажем, неудачу Скопина в сражении под Москвой и получение вести об этом, например, от воронов Микитой Романовичем. Такое, конечно, тоже было бы нетрадиционной новинкой, зато придало бы логичность и цельность всей связке.

Разумеется, весьма гадательно, отчего Рябинин не воспользовался известными ему приемами и средствами, доступными для его уровня мастерства. Что-то его сдерживало. Что-то побуждало его придерживаться своей контаминации и спустя одиннадцать лет.

Источники контаминации Рябинина более чем скромные. Самый интересный и вместе с тем неопределенный послужил для создания первой части. При исключительной частоте посещений собирателями родных мест Рябинина и вообще деревень Заонежья, там ни разу не удавалось записать в каком бы то ни было виде отдельное повествование о действиях Скопина в Новгороде и о его походе к Москве. Отголосок бытования песни об этом, опознаваемый только при сличении с дальними записями, был услышан лишь однажды на пудожском побережье из уст П. Калинина (Гильф. I. № 12), в виде вставки в песню «Гришка Отрепьев». Во всех остальных, очень редких случаях песню о деяниях Скопина находили исключительно за пределами Русского Севера⁸, достаточно

⁸См., например, ИП XVII. № 31, 32, 60.

далеко от родных мест Рябинина, потому какое-либо внешнее влияние в этом случае на сказителя представляется менее вероятным, чем бытование песни в родных местах Рябинина или где-то поблизости. Опираясь на записи от Рябинина и Калинина, допустимо полагать, что в Обонежье песня о деяниях Скопина ко времени появления там собирателей уже забывалась, а позже вовсе вышла из бытования. Из нее Рябинин еще помнил небольшой отрывок, из которого дальними записями, несомненно, подтверждаются скупые стихи о появлении Скопина в Новгороде, его посещениях местной церкви, собирании силы и походе к Москве — подробнее об этом же известно по историческим источникам⁹. В отличие от всех дальних записей, в тексте Рябинина есть обращение Скопина за помощью к «новгородским мужикам» и собирание войска последними, что можно подтвердить историческими источниками. Это различие с дальними записями требует объяснения.

Сильный сказитель Рябинин мог подменить известное по другим вариантам обращение Скопина за помощью к шведскому королю обращением к новгородцам. Можно допустить, что развитое русское самосознание певца просто не могло мириться с мыслью о просьбе помощи у иноземцев против других иноземцев. Но обращение за помощью к новгородцам могло содержаться и в изначальном тексте песни: если песня строилась наподобие хроники, а признаки этого есть, то в ней, как это было в действительности, Скопин обращался за помощью и к новгородцам, и к жителям других русских мест, и к шведскому королю, отовсюду получил посильную помощь и собрал войско, достаточное для того, чтобы помериться силами с отрядами «тушинского вора». Теперь определенно решить нельзя, откуда в тексте Рябинина появился мотив обращения Скопина к новгородцам, а надежда на обнаружение новых фольклорных фактов кажется невероятной. Тем не менее этот мотив представляется самым примечательным в тексте Рябинина.

Независимо от того, предпочел ли его сказитель и взял только его из слуханного или же домылел сам, отталкиваясь от слышанного об обращении Скопина к шведскому королю, выбор делался именно сказителем. Это мнение самого певца. Он заставил эпического героя обращаться за помощью прежде всего к «мужикам», а не к персонажу с громким эпическим именем. Не исключено, что при этом он держал в памяти и сходное обращение князя Вольги к пахарю Микуле из былины, ставшей хрестоматийной как раз в его собственной редакции.

⁹Ограничимся несколькими отсылками: Шаховской С. И. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — начало XVII века / Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1987. С. 392, 396, 398, 400; Хронограф 1617 г. // Там же. С. 345; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 8. М., 1960. С. 502, 503, 504, 507, 535—565; Варенцов В. А., Коваленко Г. М. В составе Московского государства. Очерки истории Великого Новгорода конца XV — начала XVIII в. СПб., 1999. С. 28—30.

Вторая часть разбираемой былины своим источником имеет несколько эпизодов из второй же части былины «Наезд литовцев», которую чаще всего записывали на Пудогге и изредка — в Заонежье, на Печоре и Индигирке. Ближайшее к деревне Рябинина место записи былины «Наезд литовцев» — д. Лонгасы на западном берегу того же Б. Клименецкого острова, где ее напел К. Романов (Рыбн. 1. № 46), хорошо знакомый Рябинину.

Если признавать вслед за Рыбниковым, как это принято, что К. Романов усвоил «Наезд литовцев» от И. Елустафьева, «главного наставника Рябинина», и что, следовательно, эта версия былины бытовала в деревнях западного берега Б. Клименецкого острова, то при сличении текста Романова с текстом Рябинина открывается, что Рябинин слышал и отчасти знал иную, эволюционно более позднюю версию. В частности, у Романова еще упоминается город Сребрянский (ср. Браньской и Обраньской в вариантах па Печоре, Бренчет и Бернец — на Индигирке), а главный герой традиционно именуется Романом Дмитриевичем; у Рябинина местом нападения названа сама Москва, а главным героем выступает Микита Романович, неизменный персонаж фольклора о событиях времен Ивана Грозного. Оба признака версии, известной Рябинину, иногда отмечались в записях от пудожских сказителей, например у П. Калинина (Рыбн. 2, №115). Поэтому следует полагать, что Рябинину случилось послушать «Наезд литовцев» в исполнении какого-то пудожанина, вероятно, человека с пудожского побережья Онежского озера или даже с Купецкого озера.

Как в Обонежье, так и далеко от него, на Печоре или на Индигирке, герой трижды, а то и четырежды оборачивается в разные существа. У Рябинина же в первом исполнении на запись Микита Романович оборачивается дважды — горностаем и волком, а во втором исполнении спустя одиннадцать лет — только горностаем. По-видимому, сказитель на слух запомнил не все превращения и затем не забывал лишь об одном из них.

Совершенно очевидно, что Рябинин знал только отрывки из обоих произведений, сведенных им в контаминацию. По отдельности каждый из отрывков выглядел обедненно и не звучал. Это смущало сказителя. Он состылся: «Бывало и так, что он подолгу отказывался завести иную былину потому-де, что вся не помнил» (Рыбн. 1. С. 58). И вместе с тем ему хотелось уступить настояниям собирателя и поделиться даже последними крохами своего знания с собирателем, записывавшим каждый его текст.

Сказитель, наверное, заметил, что как в тексте о Скопине, так и в тексте о наезде литовцев равным образом упоминается Москва, подвергаясь нападению одних и тех же врагов. Вот это упоминание, видимо, и подтолкнуло Рябинина к решению соединить оба отрывка в один текст. Место нападения слилось у него со временем нападения. Как это получилось, здесь рассказано.

Знай Рябинин оба произведения более или менее полно, он, конечно же, спел бы их по отдельности. Соединение отрывков, следовательно, указывает на то, что это сделал именно Трофим Рябинин.